

Молодые ханьцзы, горевшие желанием показать себя во всей красе, наперебой совали Цзян Жану по пять медных монет. Каждый старался протиснуться поближе, чтобы забрать самую большую пригоршню сушёных диких орехов.

Не прошло и четверти часа, как матерчатый мешочек в руках юного шуаньэр весело зазвенел, наполнившись тяжёлыми медяками. Сяо Жан от удивления даже рот приоткрыл.

Улучив минуту, когда на них никто не смотрел, Цзян Жан тихонько потянул Фан Чжуншаня за рукав и прошептал:

— Старший брат Чжуншань, сколько помню, когда деревенские покупали мои плетёные корзины, они за один медный грош готовы были три шкуры содрать и торговались до хрипоты. Почему же сейчас они без лишних слов отдают целых пять монет за горсть простых диких орешков-шаньдинцзы, которые в горах ничего не стоят?

Цзян Жан подался вперёд, почти касаясь плеча Фан Чжуншаня. Их дыхание смешалось, и Фан Чжуншаню стоило лишь чуть склонить голову, чтобы ощутить тепло, исходившее от покрасневшегося лица шуаньэр.

Фан Чжуншань, который всю жизнь мыкался в одиночестве и не знал тепла, от такой бесхитростной близости растерялся. Сердце предательски пропустило удар, но он заставил себя сохранить невозмутимый вид и ответил как обычно, ровным голосом:

— Обычные дикие орешки и в подмётки не годятся нашему лакомству.

Заметив, как удивлённо склонил голову Цзян Жан, Фан Чжуншань мягко улыбнулся:

— Я ведь нарочно переименовал эти орешки в дикие орехи-шаньхэтао. Обычный дикий орех — горький, терпкий, коего в лесу пруд пруди, — никому не нужен. А вот хрустящие, ароматные шаньхэтао, которых местные и в глаза не видели, — дело совсем другое. Это уже редкое, дорогое лакомство!

Цзян Жан кивнул, хотя до конца так ничего и не понял. Он посмотрел на туго набитый кошель, взвесил его на ладони и восхищённо прошептал:

— Ну и голова у тебя, старший брат Чжуншань! Ты куда поумнее нашего деревенского сюая будешь, хоть тот и грамоте обучен!

В простодушном представлении юного шуаньэр учение и грамота стояли выше всего на свете, и сравнение с образованным человеком было наивысшей похвалой, какую он только мог измыслить.

Покупатели отходили от прилавка: кто-то радовался полной горсти, кто-то досадовал на неудачу, но все шутили и смеялись. Очередь постепенно редела, а гора шаньхэтао на прилавке таяла прямо на глазах.

Наконец Фан Чжуншань окинул взглядом опустевшие корзины и объявил тем, кто ещё надеялся попытать удачу:

— Всё, почтенные, шаньхэтао кончились! Спасибо за покупку, приходите в следующий раз!

Опоздавшие разочарованно загудели, наперебой выпытывая, когда лавочник Фан снова привезёт товар, и лишь после этого нехотя разошлись.

Торговля шла споро, и, когда они уложили пустые корзины, солнце ещё не успело подняться к зениту. Впрочем, растрясшиеся за утро животы уже всю требовали еды.

Выгребши из мешочка горсть медных монет, Фан Чжуншань подмигнул спутнику:

— Ну что, Сяо Жан, чего твоей душе угодно? Давай выберем что-нибудь вкусное.

В прошлый раз они знатно потратились, и теперь рассудительный шуаньэр ни за что не соглашался тратить честно заработанное. Выбрав из остатков дикую грушу, он принялся грызть её, упрямо мотая головой:

— Да не нужно ничего покупать, Старший брат Чжуншань. Обойдёмся и так, фруктами перебьёмся.

Все мысли этого милого крохи читались у него на лице. Фан Чжуншаню стало и тепло, и немного грустно. Впрочем, поразмыслив, он согласился с тем, что стряпня уличных торговцев на этой Длинной улице уличных лотков не стоила своих денег — дорогая, пресная да невкусная.

Зачем кормить чужаков, если можно приготовить дома настоящий пир?

— Твоя правда, — согласился Фан Чжуншань. — Сейчас перекусим чем бог послал, а вечером оторвёмся. Вчера отец и дядя забрали фазана, но у нас остался славный жирный заяц. Вернёмся — разведём во дворе костёр и зажарим его на вертеле.

В деревне стряпали просто: варили похлёбки да тушили овощи. Кулинарными изысками местные себя не баловали, из поколения в поколение готовя одно и то же.

Сколько Цзян Жан себя помнил, на открытом огне пекли разве что батат да репу, да и то лишь нищие бедолаги, у которых и печи-то в доме не водились. А тут — зайчатину на костре! Вдруг

сгорит или пересохнет? Переведут только драгоценное мясо!

Впрочем, юноша настолько верил Фан Чжуншаню, что спорить не решился. Он прикусил язык, сдерживая любопытство, хотя в глубине души уже разгорелось нетерпеливое предвкушение.

Заметив его недоверчивый взгляд, Фан Чжуншань мысленно вздохнул, сокрушаясь о том, насколько же скучна здешняя жизнь.

«Неужели они никогда не пробовали сочного мяса с дымком? — сокрушался он про себя. — Это же лишить себя половины земных радостей!»

Дорога от Западного рынка к Восточному была им уже знакома. Добравшись до Граничного моста, они наняли попутную повозку и под мерный скрип колёс покатали напрямик к аптеке «Ветра и Облаков».

Старый мастер Е как раз принимал посетителей. Впрочем, в полдень наплыва больных не наблюдалось, так что старец сидел себе на невысокой скамеечке у входа, неспешно поглаживая седую бороду. Стоило ему заметить спрыгнувших с повозки гостей, как глаза его радостно блеснули, и он тут же поднялся навстречу.

— О, какие люди! Какими судьбами? Неужто опять раздобыли редких корешков?

Фан Чжуншань приветливо помахал ему пустой корзиной:

— Да откуда же у простого мужика столько везения, уважаемый Е! На этот раз я пришёл с пустыми руками... вернее, принёс вам гостинец из лесных запасов.

Он достал отложенные заранее дикie плоды и добрую пригоршню сушёных шаньхэтао. Передавая свёрток лекарю, Фан Чжуншань заговорщицки подмигнул:

— Надо же мне как-то задобрить почтенного мастера, чтобы тот замолвил за меня словечко!

Старик притворно нахмурился и шутливо погрозил ему пальцем:

— Ах ты пройдоха! Я-то о тебе божественному лекарю Цай Сюаню уже поведал. Да только человек он крутого нрава, гордец знатный. Сразу отрезал: проверять буду строго, по знаниям, а не по знакомству. Так что толку от моего покровительства мало, оставь лакомство себе.

Старец попытался всучить свёрток обратно, но Фан Чжуншань упрямо покачал головой:

— Почтенный Е, возьмут меня или нет — дело десятое. Я, простой деревенский житель, и без

того обязан вам по гроб жизни лишь за то, что вы разглядели во мне толк и подсказали про набор в ученики. Примите это от чистого сердца, не обижайте!

Против такой искренности пожилой лекарь устоять не смог. Со вздохом спрятав гостинец в широкие рукава халата, он промолвил:

— Ладно уж. Но ты раньше времени носа не вешай. Я выведал у Цай Сюаня: испытание будет простым — назвать траву да описать её свойства. У меня в каморке как раз завалялась старая книга с тонкими жёлтыми страницами. Возьми-ка её домой, почитай на досуге, авось пригодится.

Фан Чжуншань не на шутку тревожился, совпадут ли его прежние познания о травах с местной наукой, так что предложение старого лекаря пришлось как нельзя кстати. Он бережно принял книгу и рассыпался в благодарностях.

Пользуясь тем, что в зале было пусто, Фан Чжуншань решил не упускать времени и присмотреться к здешнему ассортименту. Он спросил разрешения взглянуть на выставленные лекарства, и старец охотно кивнул, позволяя ему осмотреться.

Аптека «Ветра и Облаков» славилась на весь город Процветающего Ян, и размеры её внушали уважение. Просторный зал обустроили по всем правилам фэншуй, разделив пространство на теньевую и солнечную стороны.

По стенам тянулись бесконечные ряды простых деревянных шкафчиков со множеством ящичков. На каждом красовалась аккуратная надпись тушью — так аптекарским ученикам было проще искать нужное снадобье.

С теньевой стороны хранилось то, что надлежало беречь от сырости и солнечных лучей — сушёные коренья да прессованные плитки. Солнечную же сторону отвели под свежесобранные травы.

Старый лекарь подошёл к столу, на котором сиротливо лежала ещё не прибранная ветка, и с хитрой усмешкой спросил:

— Ну-ка, Чжуншань, погляди на эту гостью. Ведомо ли тебе её имя?

Фан Чжуншань скользнул взглядом по стеблю. Надо же, знакомая травка, он в прежней жизни её охалками собирал! Помня о сочинённой им легенде про таинственного попутчика с речного судна, он выждал приличную паузу, делая вид, будто напрягает память, и неуверенно произнёс:

— Листья перистые, будто лёгкие облака, стебель сочный... Похоже на Облачную траву. Тот старик с корабля как-то рисовал мне её на клочке бумаги.

Старец так и подался вперёд:

— А какова её сила, знаешь?

— Сдаётся мне, она помогает при детской бессоннице и ночном плаче. Да и кашель ею лечат, если лёгкие забились...

Ответ был не совсем точным, но самую суть Фан Чжуншань уловил верно. Старый мастер Е так и всплеснул руками от изумления:

— Надо же! Облачная трава — редкость великая, мало кто о ней знает. Похоже, тот загадочный попутчик твой действительно великий муж и знаток своего дела. Встретить бы его, да залучить к нам в лавку — цены бы ему не было!

Фан Чжуншань неловко кашлянул, чувствуя уколы совести, и поспешил увести разговор в сторону:

— И не говорите. Мы с ним всю ночь напролёт проболтали, да только мал я был, глуп. Слушал вполовину уха, почитай как сказку, да и упустил такого наставника.

— Ну, не кори себя, — мягко прервал его старец. — На всё воля Небес. Раз уж сумел сохранить в памяти хоть крупицу тех знаний, да теперь пытаешься применить их на деле — значит, встреча та была не напрасной.

В последующий час они неспешно обходили стеллажи. Фан Чжуншань без труда угадывал знакомые растения, а Старый мастер Е терпеливо разъяснял ему свойства диковинных трав, произраставших только в землях Дааньго.

Пожилой лекарь не жалел слов, подробно отвечая на каждый вопрос. Напоследок Фан Чжуншань подошёл к открытым прилавкам на солнечной стороне зала, надеясь рассмотреть и свежие сборы.

Зелёные побеги и сочные бутоны требовали особого пригляда: здесь постоянно следили за прохладой и током воздуха, чтобы не допустить гниения.

— Это Окутанный Нефрит, он жар снимает да боль унимает. Рядом — многоцветковый горец, первое средство от ядов и лихоманки...

Фан Чжуншань неторопливо двигался вдоль длинного стола, указывая пальцем на выложенные пучки. Старик шёл следом, слушая его рассуждения и то и дело поправляя, если юноша допускал оплошность.

Они так увлеклись беседой, что совершенно позабыли о времени и не расслышали, как у дверей закричал звонкий голосок аптекарского подмастерья.

С полуденного часа в лавку потянулся народ. Старый мастер Е был здесь главным знатоком, без его досмотра ни одна сделка по закупке сырья не обходилась.

— Заждались меня, — сокрушённо вздохнул Старый мастер Е. — Ты тут походи пока сам, присмотрись. Что покажется диковинным — запомни, а освобожусь — всё растолкую.

Торопливо завязав пояс, старик поспешил вслед за дёргающим его за рукав малым.

Оставшись вдвоём, Фан Чжуншань продолжил обход. Он жадно впитывал названия, а верный Цзян Жан тихонько семенил следом, с любопытством разглядывая причудливые корешки.

Вдруг Фан Чжуншань замер перед неприметным пучком тёмно-зелёных листьев в углу стола. Он прищурился и удивлённо выдохнул:

— Надо же...

<http://bllate.org/book/19394/1986474>